

В последнюю зимнюю ночь семнадцатого года эры Небесного Предначертания поместье клана Гэ изнутри и снаружи наводнили гвардейцы новой императрицы. В этом ревущем военном море уцелело лишь несколько островков покоя.

Гэ Дунчэнь сидел один на яшмовых ступенях во внутреннем дворе поместья. Ему удалось скрыться от назойливых глаз соглядатаев, но от разгулявшейся метели спрятаться было негде. Он и сам не знал, сколько уже просидел неподвижно, пока непрекращающийся снегопад укутывал его плечи пушистым белым покрывалом.

Сложив ладони вместе, он бережно сжимал в правой руке тонкую прядь удивительно мягких волос.

Кругом царила леденящая стужа, и лишь зажатые в кулаке волоски казались обжигающе горячими. Ведь их хозяин дышал и жил, оставаясь едва ли не единственным источником тепла в погрузившемся во мрак Чанло.

Эту срезанную прядь он не выпускал из рук вот уже двадцать два дня.

Первые полторы недели Гэ Дунчэнь бредил наяву. Днями и ночами он без конца прокручивал в памяти те страшные мгновения: как на его глазах угасал этот единственный, драгоценный огонек жизни.

Мысли путались, неизбежно уводя его в зыбкое марево снов — то сладостных, то кошмарных.

В счастливых грезах он видел себя то Гу Цзиньюем, сорвавшим с губ Гу Сяодуна его первый поцелуй, то Су Миньей, которому посчастливилось безраздельно владеть вниманием юноши на протяжении долгих четырех лет.

Кошмары же возвращали его к уродливой реальности. В них он оставался прежним Гэ Дунчэнем — жалким, похотливым ничтожеством, которое воспользовалось чужой беспомощностью. Он не испытывал стыда; напротив, упивался своим торжеством, прижимаясь к податливому, горячему телу Гу Сяодуна, покрывая его поцелуями, содрогаясь от вожделения, лаская его и погружаясь в него снова и снова во тьме.

Приходя в себя, он содрогался от собственной грязной похоти и одновременно тонул в беспросветной, глухой тоске.

Теперь он избегал зеркал и любых отражающих поверхностей. Гэ Дунчэнь никак не мог взять в толк, почему с того самого дня, как Гу Сяодун канул в воду, его собственные глаза окрасились в жуткий, неестественный изумрудно-зеленый цвет.

Кажется, они уже никогда не станут прежними — угольно-черными.

На десятый день после трагедии он спросил у лекаря клана Гэ, почему так произошло. Старик лишь развел руками:

— Молодой генерал, пока вы продолжаете лить слезы, зелень из ваших глаз никуда не уйдет.

Гэ Дунчэнь тогда растерянно коснулся лица.

«Неужели я плачу все это время?»

«Из-за чего? Из-за глупого отца, который поставил не на того покровителя и теперь обрек весь наш род на неизбежную гибель?»

«Или из-за несчастной матери, чья тоска по потерянной родине пустила корни в моей собственной душе?»

В тот день, пытаясь разобраться в паутине родственных уз, утягивавших его на самое дно, он сам не заметил, как оседлал коня и во весь опор помчался к городскому рву Чанло.

Пренебрегши тревожными депешами из императорского дворца, он не двинул подвластные ему полки на осаду резиденции, а рассредоточил всех до единого солдат вдоль берегов городских рек и каналов.

Оказавшись у самого бурного участка реки, он долго всматривался в клокочущую бездну, а затем хрипло, будто со стороны слыша собственный голос, спросил у подчиненных:

— Выловили кого-нибудь? Никто не всплывал?

— Докладываю молодому генералу: ищем каждый день, ныряем до изнеможения, но пусто, — ответил гвардеец.

Гэ Дунчэнь лишь кивнул. Заметив, как испуганно косится на него солдат, он опустил взгляд на речную гладь — и отпрянул. Из темной глубины на него смотрело жуткое, утратившее человеческий облик лицо с фосфоресцирующими изумрудными глазами.

Лишь тогда он понял, что все это время беззвучно и горько плакал.

По одной-единственной причине: Гу Сяодун исчез.

«Что значит „исчез“? — отрешенно размышлял он. — Это значит, что больше нет на свете нежного, лучезарного создания, на которое он мог бы изливать свои постыдные желания»

Но будь это обычной плотской похотью, разве тосковал бы он так отчаянно? Разве сходил бы с ума?

«А если бы Сяодун остался? — билась в голове безумная мысль. — Если бы все вернулось на круги своя, как бы они жили?»

«Рядом был бы человек, готовый делить с ним вино и вести искренние разговоры. Кто-то смотрел бы на него чистыми, сияющими глазами, полными заботы и тепла. Дарил бы ему ласку, осыпал похвалами, сопереживал и поддерживал»

«Один лишь образ этого юноши мог стать для него тихой гаванью, дарующей покой и умиротворение среди жизненных бурь»

И только сейчас до Гэ Дунчэня с пугающей отчетливостью дошло: его тяга к Гу Сяодуну была точно такой же, как одержимость его отца матерью.

Отец силой удерживал ее подле себя долгие годы, но в ответ получил лишь горькие слезы и непреходящую, лютую ненависть.

Гэ Дунчэнь панически боялся повторить эту судьбу. Боялся стать столь же омерзительным в глазах того, кого полюбил, и потому выбрал иной путь — трусливо наблюдать из тени, упиваясь украдкой сорванными крохами близости.

Он вел себя как шелудивый пес — одновременно трусливый и похотливый, полный скрытой злобы. Ему не хватало смелости признаться во всем открыто, поэтому он плел паутину лжи, манипулировал и притворялся, позволяя себе ласкать Гу Сяодуна лишь тогда, когда тот спал без чувств.

Он ведь дышать без него не мог.

Вождедел его так грязно, так порочно.

Любил его до безумия, до умопомрачения.

Резкий порыв ледяного ветра швырнул ему в лицо пригоршню колючего снега. Оцепеневший Гэ Дунчэнь медленно поднял голову. Перед ним, словно выткавшись из метели, вырос незванный гость. В эту новогоднюю ночь Гу Цзиньюй походил скорее на выходца с того света, чем на живого человека.

Он явился не один — волоком тащил за собой бесчувственное тело, которое небрежно, словно мешок с костями, швырнул к ногам Гэ Дунчэня.

Гэ Дунчэнь заторможенно спрятал заветную прядь за пазуху, ближе к сердцу. К этому разговору он внутренне давно готовился — в конце концов, между ними двоими было слишком много общего.

— Гу Сэньцин.

Рука Гу Цзиньюя, уже сжимавшая рукоять клинка, на мгновение замерла. Холодное острие застыло в воздухе, остановленное этим хриплым окликом.

— Когда Сяодун пьянел вполтину, он всегда бормотал это имя, — Гэ Дунчэнь с трудом пошевелил онемевшими от стужи пальцами. — Стоило мне его услышать, как все сразу встало на свои места: стало ясно, откуда взялось его второе имя, Шаньцин. Ну и ну, Гу Цзиньюй... Оказывается, ты еще чернее меня. Я всего лишь пускал слюни на его тело, ты же вознамерился полностью подчинить себе его судьбу.

С этими словами он нагнулся и перевернул лежащего на ступенях человека. Из-под налипшей грязи показалось мертвенно-бледное лицо Гуань Юньцзи. Тот был без сознания.

Гэ Дунчэнь замер, прижал пальцы к сонной артерии пленника, а затем перевел взгляд на незваного гостя. Указав пальцем себе на грудь, в область сердца, он криво усмехнулся:

— Раз уж пришел мстить за нашего Сяодуна, бей прямо сюда, в сердце. Не хотелось бы предстать перед ним на том свете с изуродованным лицом.

Лезвие в руке пришельца дрогнуло, но так и не опустилось. Совсем недавно он харкал кровью от невыносимой боли, но теперь заставил себя успокоиться. В упор глядя на пугающую зелень чужих глаз, он произнес ледяным, лишенным эмоций тоном:

— Сяодун жив. Его нет под землей. Говори, что вы с ним сделали той ночью? Куда спрятали? Выкладывай все до последнего слова, иначе твой клан разделит участь Клана Гуань, а ты сам сгниешь заживо вслед за Юньцзи.

Гэ Дунчэнь проигнорировал угрозу, спросив в ответ:

— У Восточных ворот Чанло стоят твои люди, а гора Белых Ключей взята в плотное кольцо, верно? Ответь мне только на одно: вы обыскали тот пруд? Нашли его? Ну же! Нашли?!

Клинок в кулаке Гу Цзиньюя мелко задрожал.

— Его там нет, — глухо выговорил он. — Он не мог утонуть.

— Значит, не нашли... — Зелень в глазах Гэ Дунчэня вспыхнула с новой, пугающей силой. — Но

где же он тогда? Пруд ведь совсем крошечный, а все ручьи и протоки в Чанло стерегут мои люди. Куда он мог деться? Неужели ему сейчас холодно? Плачет ли он там, один во тьме?..

Не дожидаясь, пока собеседник сорвется в безумие, он сам погрузился в лихорадочный бред, принявшись вслух перебирать подробности той роковой ночи. Память безжалостно воспроизводила каждую деталь, врезавшуюся в сознание раскаленным клеймом: как он забирал бесчувственного юношу из рук Су Миньши, как прижимал к себе, как жадно целовал холодные губы, как преследовал его во тьме и как после отчаянно нырял в ледяную воду пруда... С каждым словом пережитая им безысходность проступала все отчетливее.

Гу Цзиньюй слушал его как замороженный, медленно теряя связь с реальностью:

— Су Миньша... сам отдал его тебе? И Сяодун знал об этом? Знал, что его предали?

— Знал, — глаза Гэ Дунчэня теперь светились потусторонним изумрудом. — Он все понимал. Знал, чьи грязные руки ласкали его, пока он лежал без чувств. Знал, что Су Миньша хладнокровно уступил его другому. И о твоей лжи он тоже знал.

На ступенях повисло тяжелое молчание. Гу Цзиньюй замер, сиюсь сделать вдох:

— Моей лжи?..

— У него ведь был старший брат по имени Чжан Дэнцинь, верно? — Гэ Дунчэнь бессильно опустил плечи, даже не пытаясь скрыть горькую усмешку. — Стоило Сяодуну появиться в вашем доме, как я сразу же разузнал все о его прошлом. Его семья была тесно связана с Долиной Божественных Лекарей, извечным врагом Башни Тысячи Механизмов. Чжан Дэнцинь привез мальчишку к вам, надеясь найти защиту, но вскоре бесследно испарился, бросив брата на произвол судьбы. И к этому исчезновению приложил руку ты, Гу Цзиньюй. Отрицать бессмысленно.

— Когда он бежал отсюда... когда прыгнул в ту ледяную бездну, его сердце разрывалось от ненависти. Он ненавидел каждого из нас: Гао Минцзянь, меня, Юньцзи, Су Миньшу... И больше всех — тебя.

— Если у обиды и злости есть мера, то уверяю тебя: сильнее, чем предательство Су Миньши, его ранила твоя ложь. Тебя, Гу Цзиньюй, он ненавидел всем своим существом.